

Нева

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган
Оргкомитета Союза писателей РСФСР
"
Ленинградского отделения Союза
писателей

024855 ✓

5

М А Й

Государственное Издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва-Ленинград-1958

Брянская область

БИБЛИОТЕКА

33

Сатира и юмор

Илья Швец

Руководящий рыболов

РАССКАЗ

Рис. П. Муратова.

Ни один уважающий себя рыболов не станет губить выходной день на ужение рыбы вблизи города. Какая это ловля? Во-первых, рыбы здесь несравнимо меньше, во-вторых, природа либо изрядно обнищана, либо излишне причесана, в-третьих, — и это самое главное! — вместо успокоения нервной системы получишь нервный тик. Просто удивительно, как люди любят совать свой нос в чужие дела!

— Клюет, а?

— Слушай, забрось подальше...

— Смотри, похож на умного, а чем занимается!..

— Улит, а есть нечего будет...

И так далее, и тому подобное. Мешают своими советами люди, не умеющие отличить налима от красноперки, мешают прохожие, проезжие, купающиеся, влюбленные, мальчишки, мешают не только люди, но и гуси, лошади, телята...

Нет, для ловли рыбы лучше удалиться километров на тридцать. Тут и могучие дубы на берегу, и лещи ходят стаями, и никто не маячит за спиной.

Но не так просто удалиться от города за тридцать километров, если у тебя нет машины — личной или хотя бы служебной. Приходится, наперекор всяким другим соображениям, заводить не очень равноправную, а потому и не очень приятную дружбу с людьми, которые не такие уж и рыболовы, но зато имеют свои машины.

Атаку на Юрия Александровича Резецкого, довольно видного работника из руководящих, мы вели планомерно и последовательно с полмесяца. Резецкий, с кото-

рым мы обычно сталкивались в обеденный перерыв, насудившись слушал нас, но сдался не сразу. Лишь постепенно вырвалась в нем идея блеснуть невиданным уловом.

— Вот жилки миллиметровой у вас нет, наверное, — сказал как-то при очередной встрече с нами Резецкий.

Мы поняли, что миллиметровая жилка — последняя линия обороны противника. У Николай Ивановича, моего приятеля, нашелся солидный моток этого добра, и Резецкий безоговорочно капитулировал. Дождались очередной субботы. Получаса было достаточно, чтобы собраться и выйти к назначенному месту. Вскоре около нас остановился не простой «козел», а ГАЗ-69. Мы юркнули на заднее сиденье и покатали, вздымая тучи пыли.

Широкая спина Резецкого мешала нам любоваться пейзажами раннего лета, безжизными навстречу. Приходилось даже время от времени спрашивать, где мы едем.

— Под Березовкой.

— У Лисей горы.

Сообщал это Юрий Александрович таким тоном, будто открывая всякий раз по меньшей мере новый материк.

Через боковое стекло мы заметили трактор на картофельном клану.

— Пропашка, — заключил мой приятель, весьма смутно представлявший себе, что это значит. Но ему не хотелось показывать себя профаном перед областным руководителем сельского хозяйства. Он даже спросил:

— Наверно, последние гектары, Юрий Александрович?

— Не видел сводки, — выдохнул Резецкий.

— А каков прогноз на урожай? — не унимался Николай Иванович.

Очевидно, роль отвечающего Резецкому не нравилась. Он решил перехватить инициативу и повернул к Николаю Ивановичу круглое, прищипшее лицо:

— Любишь судака? Ха-ха! А где будешь его ловить?

Пряатель мой ни одного судака за свою жизнь не выловил, поэтому, смущенно улыбаясь, ответил уклончиво:

— Понимаете ли, мне думается, что сперва надо узнать, где он есть...

— Нет надобности! — пробасил Резецкий. — Если перед омутом песчаный перекат — закидывай судачью снасть.

Николай Иванович не стал возражать. — А ты, поплавочник, где окуней хватаешь? — обратился Резецкий ко мне.

Я ответил примерно так же, как и мой приятель.

— Чепуха! — категорически отрезал Резецкий. — Иди корчаг, захлавленных мест. Окунь там и вяде больше!

Возражать и не стал, так как хорошо знал, что пытаться переспорить пачальство — в лучшем случае напрасный труд.

— Ничего, ребята, — смилостивился Юрий Александрович. — Приедем — я вас науку доставать рыбку.

Часа через полтора машина остановилась, и перед нами, как на широком экране, открылась роскошная картина приречной природы. Река здесь делала крутой поворот. Вместе с противоположным берегом в воде отражались по крайней мере трехсотлетние дубы. То и дело плескались щуки, охотившиеся за рыбной мелочью; иногда жерех

резким ударом хвоста глушил на отмели мальков; близился закат, и оживлялись головыли, выпрыгивавшие из воды за стрелками и мушками.

Мой приятель, не теряя ни минуты вечерней зари, побежал обрабатывать спиннингом загоревшуюся предзакатным золотом гладь реки. Я притаился в кустах и, оснастив крючок жирным червяком, закинул свою удочку за камыш. Здесь должен быть лещ!

Иногда я отрывал глаза от пошлава и поглядывал в сторону машины, наблюдая за Резецким. Он, короткий и толстый, стоял, пожевывая, и неторопливо осматривался. Шофер выгружал из багажника снасти — Юрия Александровича и свои.

— Сашка, надувай лодку! — отдал распоряжение Резецкий. Шофер бросил выгружать снасти и склонился над резиновой лодкой.

Надо сказать, что нам Сашка с первого взгляда пришелся по душе. Это был парень среднего роста, загорелый, с льняными волосами, подстриженными под бокс. Он все время был чем-нибудь занят и все делал быстро и умело. Казалось, выключки его из работы — и он, как часы-ходики, запылится, поржавеет и обрстет паутиной. Мы уже успели почувствовать, что он отлично понимает своего начальника и внутренне иногда посмеивается над ним. Мы не слышали еще от него ни одного возражения, хотя и видели, что он не во всем согласен с Резецким. В дальнейшем же убедились, что Сашка умеет талантливо возражать и протестовать, но не словом, а делом.

— Сашка, пайди банку с крючками! — требовал Резецкий.

Шофер, едва заметло усмехнувшись, бросил надувать лодку и шел к багажнику.

Вскоре у меня заклевало. Это была классическая лещина яоклевка: поплавок лег на речное зеркало, затем опять приподнялся и пошел в сторону, в глубину. Я подсек — и на удочке действительно заходил лещ. Счастливое мгновение! Сердце заплясало, кровь прилила к вискам, но руки продолжали выводить рыбу. Наконец мне удалось приподнять голову леща над водой, он глотнул воздуха и сразу сдался: лег плашмя, как доска, и я потянул его к берегу. Еще несколько сверхнапряженных секунд — и красавец забился на траве.

— Два кило! — определил Резецкий и поучающе добавил: — Лещей необходимо удить с подхватной.

И поторопил шофера:

— Побыстрой заканчивай с лодкой!

— Уже закончил бы, да вы ж сказали вскать крючки...

Резецкий рассердился:

— Надо напряженней работать! — Затем — более сдержанно: — Надуешь лодку — положи в нее подпуск и тащи вон на ту излуцину, к раките. Захвати червей и миног, а я пойду оценю местность и разберусь, куда забрасывать.

Шофер оттащил снасти и лодку к указанному месту. Оттуда донеслось новое распоряжение:

— Насаживай: миногу — цетом червя, миногу — потом червя.

А через минуту:

— Сейчас укажу, откуда начинать заброс...

Я поднялся немного выше по течению, так как из личной практики давно установил, что на одном месте сразу двух лещей выудить — чаще всего дело невозможное. Голос Резецкого еще доносился, но слова трудно было разобрать. Отчетливо слышны были только частые возгласы: «Сашка!» и «Действуй соответственно!»

Вечерело очень быстро, а возможно это казалось так: у рыболовов всегда время бежит незаметно.

Вдруг рождающуюся тишину оборвал отчетливо донесшийся выкрик Юрия Александровича:

— Сашка! На моей удочке клюет! Тяни!

Солнце наконец сказочной жар-птицей упало в лес, освещая только макушки дубов да небо над собой. С луга сильней потянуло густым ароматом трав, а с реки — бодрящей свежестью. Совсем низко, над самыми кустами, пролетела короткая нитка чирков, как бы подводя в небе черту богатому, интересному дню.

У меня клевали только ерши, и я вернулся на то место, где поймал леща.

Резецкий стоял на берегу, на небольшой излучине, яростно отбиваясь от комаров. К шоферу комары меньше приставали. Очевидно, спецовка, изрядно пропахшая бензином, отпугивала их. Кроме того, Сашка, обслуживая, как истый многостаночник, одну свою удочку и три Резецкого, был все время в движении. Когда же какой-либо «поганец» отваживался укусить шофера, Сашка прихлопывал его и подшучивал:

— Нишь ты, и шоферской кровью не побрезговал! Вечная память тебе, дорогой товарищ комар!

У Юрия Александровича вид был страдальческий. Одной рукой он защищал шею, другой — лоб, но комары пили кровь и на руках и даже на спине — сквозь шелковую рубашку. Он то и дело тер руки о живот, чесался спиной о ствол

ракиты, производил нечто похожее на замедленные прыжки, встряхивался всем телом. Все же начальник не потерял бдительности.

— Сашка! На моей клюнуло!!! Тяни!!! — закричал он вдруг.

Приказ начальника был тотчас выполнен. К ногам Юрия Александровича упал небольшой окулек.

— Куда его? Па кукан или в банку к живцам?

— Всякая рыба должна быть на кукане, — указал Резецкий.

— Тогда и живцов — тоже на кукан? — с простодушной улыбкой спросил Сашка.

— Живцов — нет. На данном этапе это еще не рыба, — серьезно разъяснил Юрий Александрович.

У меня начался клев, и я уже не мог оторвать взгляда от поплавка, но поведительные возгласы Резецкого ко мне доносились.

— Сашка! — выкрикивал начальник. — Перебрось мою удочку с красным поплавком за корягу, в омут. Кстати — перемени на ней червяка. Свою тоже перебрось в омут.

Шофер молча проделывал все операции с удочками.

— Мобилизуй, Сашка, все внимание на поплавки, — требовал Резецкий, — а я на минутку в кусты...

Наконец, ухо резанул выкрик, похожий на вопль отчаяния:

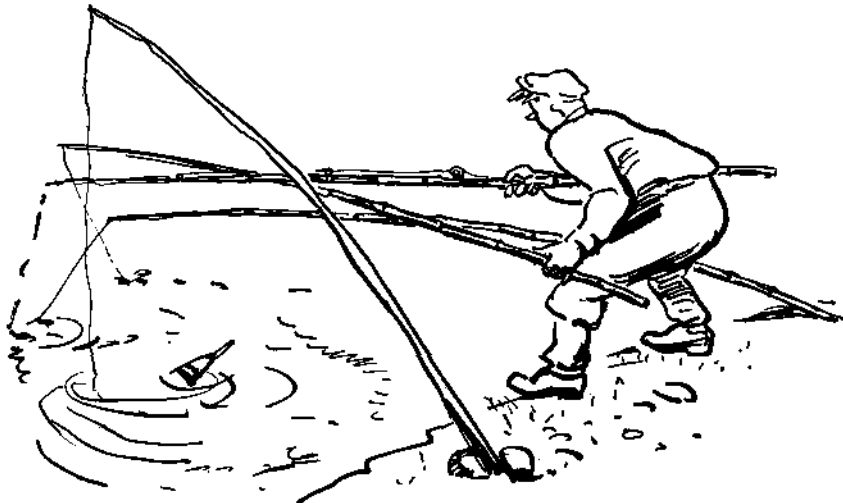
— Бросай, Сашка! Съедают проклятые. Разводи костер!

Вскоре мы собрались у молодого костра. Мой приятель воил по сторонам его два ольховых колышка с рогульками, положили на них перекладную.

— Станок для изготовления ухи готов! — доложил он.

— Составим сводку улова, — пробасил Резецкий. Вскоре он, однако, понял, что напрасно предложил это, так как поймал меньше всех.

— Говорил тебе, Сашка, чтобы самых крупных червей насаживал. А ты...

— Нет, Юрий Александрович, — оправдывался шофер, — на свою ведь удочку я совсем маленьких червячков высаживал.

— А в чем же дело? — недоумевал Резецкий.

— Не знаю. Вы все требовали, чтобы я ваши удочки закидывал в омут. А я свою держал на песчаной отмели.

— Это не соответствует, — поморщился Резецкий.

Всю мелкую рыбу мы сдали Николаю Ивановичу, который вызвался приготовить нам какую-то особенную уху. Я принес еще дров и оживил костер.

Уже заскрипели, засверкали на темном бархате неба серебряные звезды, будто мальки в бездонном омуте. Поднялась над кустами луна.

До чего хороши июньские вечера над глухой рекой, протекающей в лесу! Тепло, воздух насыщен запахами цветов прибрежья; чувствуешь шод собой прохладу земли, вся вселенная перед тобой и в тебе. Рядом булькает уха, звенят комары, а где-то за кустом настойчиво скрипит дергач.

Красота вечера подействовала и на Резецкого. Подталкивая поскон сапога отскочившую головешку обратно в костер, он произнес:

— В разрезе требований современной медицины необходимо быть побольше на воздухе.

Уха нам, действительно, показалась необыкновенной. Даже Резецкий, почти все время державшийся строго, попробовав ее, вдруг подобрел, растаял. Вылавливая из кастрюли самые большие куски, он брал их затем в руки, уничтожал, звучно причмокивая толстыми губами, и старательно облизывал пальцы. Иногда он приговаривал:

— Признаю: факт интересный!

После ужина Юрий Александрович, напуганный комарами, полез спать в машину. Мы втроем улеглись у костра. Засыпая, я слышал, как Резецкий накатывал шоферу:

— Разбуди меня в четыре... Прорыв в улове лучше всего ликвидировать на заре...

Меня разбудил голос шофера:

— Юрий Александрович, Юрий Александрович! — настойчиво упрашивал он, — вставайте, уже пятый час...

Резецкий помыл, потом, видимо, сообразив, в чем дело, ответил:

— Ты, Сашка, иди проверь подпуск, а после организуй чашек. И, братец, тогда опять разбуди меня... Паверстаем!

Шофер, оставляя след по росе, скрылся за кустами. Приятель мой побежал к реке. Я тоже направился к своему лециному омуту.

Клевса почему-то не было. Прошло часа два, солнце уже стало ощутимо приекать, а в моем ведрке плавало всего два пескаря да крохотный окунишка.

Я вернулся к машине. Оказалось, что у всех результат был такой же плачевный, как и у меня.

— На данном отрезке реки рыба отсутствует, — подытожил Резецкий.

Сашка предположил, что, возможно, новолуние виновато. Но дело было не в этом. Над лесом начинало темнеть небо. А спустя некоторое время показалась туча, даже не темно-синяя, а почти черная, и по верхушкам дубов вдруг побежал ветер.

— Вот в чем дело! — присвистнул мой приятель. — Теперь все понятно!

Рыба, в самом деле, является превосходным барометром: за несколько часов она чувствует изменение погоды и обычно перестает клевать.

— Давайте посоветуемся, что делать, — предложил Резецкий.

— По-моему, совещаться уже некогда, — усмехнулся шофер, растирая первую каплю дождя на шее.

— Нет, надо ж согласовать вопрос с товарищами, — попытался было настаивать Юрий Александрович, но крупные капли, улавливаемые на его лысину, ускорили исход дела. Резецкий сказал едем, а когда мы уложили все вещи в машину, он отдал последнее рыболовецкое распоряжение:

— Сашка, обмой мою рыбу и положи в сумку, а потом бери надлежащие темпы...

Шофер взял в левую руку свой кулан — на нем висели крупные рыбины; в кулаке начальника болтались несколько мелких рыбешек. Сашка поднял оба кулана, — они выглядели как итог разных подходов к делу.

Через несколько минут, догоняемые злобещей тучей, мы ехали домой... А когда перед следующей субботой я предложил приятелю снова вступить в контакт с Резецким, он подумал и сказал:

— Знаешь что? Давай устраиваться с попутной машиной... А если не получится с попутной — тогда лучше будем ловить под городом...

